

Научная статья
УДК 81.161.1
doi: 10.17223/19986645/98/10

Ермак как герой поэзии и историософии Велимира Хлебникова

Валерий Владимирович Мароши^{1,2}

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия

² Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
^{1,2} maroshi@mail.ru

Аннотация. Выявляется динамика образа Ермака в хронологическом порядке на материале поэм, статей и заметок В. Хлебникова. Отмечается постоянное экфрастическое воздействие картины В. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Ермак не только один из эпических и легендарных русских героев, но и образец для самоидентификации поэта-авангардиста. Процесс завоевания Сибири и роль Ермака в нем в историософии Хлебникова противопоставлены, соответственно, процессу и акторам Русско-японской войны.

Ключевые слова: Хлебников, Ермак, воин, авангард, время, историософия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00071, <https://rscf.ru/project/25-18-00071/>

Для цитирования: Мароши В.В. Ермак как герой поэзии и историософии Велимира Хлебникова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 180–196. doi: 10.17223/19986645/98/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/10

Yermak as a hero in Velimir Khlebnikov's poetry and philosophy of history

Valeriy V. Maroshi^{1,2}

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
^{1,2} maroshi@mail.ru

Abstract. The article explores the dynamics of Yermak's image in chronological order based on Velimir Khlebnikov's poems, articles, and notes. In Khlebnikov's view, Yermak is the ideal Russian epic hero who represents the Russian nation at the stage of its self-assertion in history. Despite his exceptional status as a hero, the poet often places Yermak among other legendary heroes of the Russian world and pioneers of Siberia. Furthermore, he is often depicted with the same characteristics as his companions and the imagined community of Russian heroes. As a true epic hero, Yermak kills his

antagonist Kuchum, despite the historical fact. Yermak's verbal portrait includes an ekphrasis of Vasily Surikov's painting *Yermak's Conquest of Siberia* and clichés from Russian historical prose and poetry, particularly those by Pyotr Svinin and Konstantin Ryleev. Yermak's image in Khlebnikov's work is incorporated with the dynamic Siberian landscape of wind and river movement. The metaphor of the water mirror is particularly significant, as it brings Yermak closer to the role of a poet. As an addition to his epic heroism, Yermak becomes a model of victory for the militant avant-garde poet. In Khlebnikov's texts, Yermak variously appears as a symbol of a warrior besieging the castle of truth, the pinnacle of personal self-actualization, the ultimate embodiment of life, and finally a "god of death." Khlebnikov's Yermak is mythocentric, and he is not interested in the authentic historical image of the ataman or his tragic fate. The poet identifies himself with Yermak in the poem "My Campaigns" and the novel *Zangezi*, but he maintains a distance between himself and the hero. In turn, the poet's identification with Kuchum during a quarrel with his friends suggests that the conflict between Yermak and Kuchum is constantly present in his imagination. Yermak is one of the historical figures that Khlebnikov constantly returns to in his calculations of the laws of time. His role in history is also symbolic, as his campaign marks the beginning of a new historical cycle. The poet repeatedly contrasts Yermak with the anti-heroes of the Russo-Japanese War, such as Stessel and Kuropatkin. In Khlebnikov's historical calculations, the capture of the Siberian Khanate's capital, Isker, and the centuries-long exploration of Siberia by Russian pioneers are juxtaposed with the Russian army's retreat from Mukden and the surrender of Port Arthur. In these events, the author sees a meta-historical conflict between the continent and the sea, in which Yermak is portrayed as an actor of the land who subjugates the water.

Keywords: Khlebnikov, Yermak, warrior, avant-garde, time, philosophy of history

Acknowledgments: The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00071, <https://rscf.ru/project/25-18-00071/>

For citation: Maroshi, V.V. (2025) Yermak as a hero in Velimir Khlebnikov's poetry and philosophy of history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 180–196. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/10

Ермак на протяжении нескольких веков был и остается одним из любимых героев русского фольклора и литературы. Типология связанных с ним легенд, жанров, сюжетов и мотивов в последние три десятилетия разрабатывалась в основном уральскими и сибирскими историками и филологами. В конце XX – начале XXI в. отметим, в первую очередь, обобщающий труд фольклориста В.В. Блажеса [1] и статьи А.С. Янушкевича [2] и К.В. Анисимова [3], в которых была поставлена проблема «сюжета Ермака» в истории русской литературы. В последнее десятилетие в фокус внимания литературоведов попали уже жанровые аспекты [4] и эстетические модусы его образа [5], а также нарративная специфика самой истории покорения Сибири [6]. В статьях [7–9] была исследована роль его образа в художественных мирах Л.Н. Толстого и В.М. Шукшина соответственно, а в работе [10] – трансформация его изображения в советском историческом романе. Цель нашей статьи – выявление значимости и динамики поэтического образа Ермака и его сподвижников в творчестве и историософии Велимира Хлебникова.

В «Автобиографической заметке», написанной в 1914 г., Велимир Хлебников мифологизирует свою локальную связь с монгольскими номадами и генетическую – с запорожским казачеством, которое дало наиболее смелых русских первооткрывателей и путешественников: «Родился... в стане монгольских исповедующих Будду кочевников. <...> В моих жилах есть армянская кровь (Алабовы) и кровь запорожцев (Вербицкие), особая порода которых сказала в том, что Пржевальский, Миклухо-Маклай и другие искатели земель были потомками птенцов Сечи» [11. Т. 6, кн. 2. С. 243]. Его герои, путешественники по пространству и времени, – это, как известно, и первооткрыватели пространства нового слова, которые осваивают своего рода поэтический фронтир контакта «прирученного», обыденного и автономного «дикого» слова: «Мы, дикие звуки, Мы, дикие кони. Приручите нас: Мы понесем вас В другие миры, Верные дикому Всаднику Звука» [11. Т. 5. С. 346]. Напомним, что поход Ермака в русской историографии и художественной литературе традиционно изображался как контакт русских людей с диким, неосвоенным природным пространством («На диком берегу Иртыша...» [12. С. 146]; Ср. у Хлебникова «О, дикое небо, быть Ермаком...» [11. Т. 4. С. 60]) и «дикарями».

С самого начала его творчества воображение поэта занимали скифы, русские и малороссийские казаки XVI–XVIII вв. в роли пассионарных кочующих авантюристов. Эпический герой-воин – это роль и метафора поэта-будетлянина, оружием которого становится познание законов времени и творчество языка, характерна для поэзии Хлебникова от самых ранних его стихов до «Зангези»: «Гонимый морем, я бежал по камням, сняв обувь и потупя глаза безумного воина будущего» [11. Т. 5. С. 144]; «Я пел песни сурового будетлянского воина» [11. Т. 5. С. 146]; «Я воин; время – винтарь» [11. Т. 5. С. 345]. Союзников в так понимаемой войне он видел в среде художников-авангардистов и поэтов «Гилеи»: «Я встретил одного художника и спросил, пойдет ли он на войну? Он ответил: “Я тоже веду войну, только не за пространство, а за время”» [11. Т. 5. С. 127]; «Современники делятся на воинов и цуциков. Воины – это мы, а цуцики – это те, кто питаются от остатков после нас. Из наиболее замечательных цуциков следует отметить... цуцик Куприн, цуцик Сологуб» [11. Т. 6, кн. 2. С. 83].

Такой тип литературного героя кажется малоподходящим для автобиографического Велимира, зато он идеально соответствует общей этимологии и типологии мирового и русского авангарда как небольшого, но отборного отряда, движущегося впереди войска во время военных действий. Малочисленное войско Ермака, проложившее дорогу более регулярным отрядам и победившее гораздо более многочисленных врагов, идеально соответствовало такой картине мира. Хлебников, как мы увидим далее, сражается с языком, консервативным большинством человечества, временем, смертью, которые чаще всего в его творчестве символически обозначены многозначным мотивом «моря»: «Пространство завоевано, и трава пространств завянет. Право имения перейдет на творческий бой за время» [11. Т. 6, кн. 2. С. 159]; «Я участвовал в большой битве мертвецов пространства и войск; время

люда, время юношей и три осады занимали мой мозг. Башня толп, башня времени, башня слова» [11. Т. 6, кн. 2. С. 160]. Плававшие по рекам и морям русские и запорожские казаки из давнопрошедших легендарных времен идеально подошли для поэта будущего.

Демонстративная самоидентификация с мифологическими и эпическими героями, акторами истории и победителями Рока для будущего Председателя Земного Шара и Короля Времени закономерна. Напомним, что подобные лирические роли до него в нескольких лирических циклах разыграл В. Брюсов («Любимцы веков», «Правда вечная кумиров»). От реальной же рядовой солдатчины в 93-м пехотном полку, как известно, Хлебников всеми силами стремился избавиться. После потрясения от Цусимской катастрофы семантическое поле войны он перевел в метапоэтическое измерение, используя метафорический потенциал батальной лексики («меч», «кисть», «битва», «осада» и т.д.).

Среди героев русского фронта XVI–XVIII вв., его, как и многих других русских литераторов, привлекала фигура наиболее мифогенного и мифоцентричного его представителя – атамана Ермака. Он станет для Хлебникова одной из аватар русского Воина-номада и первопроходца-победителя, роли которых поэт понимал чрезвычайно широко. Сразу отметим, что трагическая гибель атамана, жертвы Рока и коварных татар, ставшая темой баллады К. Рылеева («Но роковой его удел / Уже сидел с героем рядом / И с сожалением глядел / На жертву любопытным взглядом» [12. С. 144]; «Но сила року уступила, / И, закипев страшней, река / Героя с шумом поглотила» [12. С. 145]), его никогда не интересовала: «Вести борьбу с роком, а не с людьми. Достичь уравниения людей через уравниения чисел» [11. Т. 6, кн. 2. С. 90].

«...мы, Запорожская Сечь, подплыли к голубому городу...» наброске «Памятники должны воздвигать...» (1913) Хлебников предложил пластическое воплощение образа Ермака. Им, по замыслу поэта, должна стать установка огромной статуи атамана на Волге, откуда начинался его поход в Сибирь. Она изобразит его в виде русского варианта американской Статуи свободы, но в ладье и с пищалью в руке: «Поэтому должной цепью памятников можно сказать сердцу русского народа нечто, речь. Чугунное ударение русской речи – по обеим сторонам Днепра, дабы пароходы плыли под памятниками. <...> На Волге в Самаре (ворота в Сибирь) – памятник Ермаку, самый высокий в мире, подобный статуе свободы в Америке, а в нем ладья <нрзб.> и колосс с дымящейся пищалью, а она светит огнем» [11. Т. 6, кн. 1. С. 209]. Памятники нужно поставить и другим знаменитым русским первопроходцам: «Кроме того, Дежневу, Хабарову и Афанасию Никитину там же (в Москве. – В.М.) или в Астрахани.

Так украсится и освятится красотой и лепотой русская земля и великорусский материк, вспоминая и объединяя людей из русского народа» [11. Т. 6, кн. 1. С. 209]. Очевидно, что Ермак и первые русские землепроходцы – это герои национального эпоса, а памятники им – высказывания в объединяющем русских коммуникативном дискурсе.

Стихотворение «Мы, воины, во иной край уверов...» (1908), которое не печаталось при жизни поэта и явно связано с картиной В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» (1895), может рассматриваться как самое раннее воплощение сюжета поход Ермака в его творчестве, хотя сам атаман не выделен на групповом портрете героев русского эпоса:

Мы, воины, во иной край уверовав,
Суровой ратью по лону вод текли.
Шеломы наши не сверкали серые,
Кольчуги тускло отражались в них.
Пищали вспыхнули огнем.
Мы знали, – верой и огнем
Рати серые согнем.
Моряной тихо веяло,
И, краше хитрых крас,
Над нами реял
Наш незлобивый тихий Спас

[11. Т. 1. С. 163].

Шеломы, пищали, большая хоругвь с изображением Спаса над русскими казаками, суровое выражение их лиц – все это легко опознаваемые детали картины Сурикова. Сложнее с «моряной» и движением «по лону вод», которые не могли быть переданы в статике исторического полотна. Мотив «веры в иной край», романтический по своему происхождению («Ты знаешь край...» из «Песни Миньоны» Гёте), который позже перерастет у Хлебникова в видение Сибири как Вырея, земного Рая, сплетен с эпическим мотивом веры как убежденности русского воинства в своей победе («верой и огнем»). Со времен Есиповской летописи (1636) и «Сибирской истории» С.У. Ремезова (1689) и по сей день поход Ермака интерпретируется в отечественной православной историографии как подвиг веры, сопровождаемый чудесами, знамениями и видениями, который привел к торжеству православия над «погаными» мусульманами и язычниками и в конечном счете к крещению многих сибирских народов. Однако для Хлебникова это скорее все же вера в свою победу над явно растерянными (на картине Сурикова) врагами.

Из-за позиции в начале строки не так уж просто интерпретировать смысл «Моряны / моряны», буквален он (моряна как «ветер с моря») или мифологичен (Моряна как славянское божество моря), которую Хлебников, активно изучавший труды по славянской мифологии, мог ввести в повествование наподобие женского «духа моря», осеняющего русских героев своим присутствием или, напротив, противодействием. Уже в ранних стихах и статьях («Курган Святогора») море получает у поэта амбивалентную национально-географическую и философскую символику.

Позже в творчестве поэта море предстанет символом мира вообще в его волнующейся событийной динамике (Ср. события революции «Это дикой воли ветер, Это морем подуло. Братва, напролом! [11. Т. 3. С. 336], его многозначная стихия станет одним из главных мотивов и метафор художественной философии и историософии Хлебникова. «Лоно вод», с одной стороны,

очевидный пушкинизм и фон суриковской картины, с другой – отражение исторической динамики русского первопроходчества по сибирским рекам. В стихотворении лишь Спас на казацком знамени предстает, в контрасте с суровой ратью не грозным, а «незловивым».

В другом раннем стихотворении «Мы желаем звездам тыкать...» (1910) Ермак тоже не индивидуализирован: он предстает лишь одним из персонажей эпических героев русской истории, от крестителя Владимира и былинного Добрыни до казачьих атаманов Дона и Запорожья:

Мы желаем звездам тыкать,
Мы устали звездам выкать,
Мы узнали сладость рыкать.
Будьте грозны, как Острица,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
Пусть кричат вожаки.
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки.
О, уподобьтесь Святославу –
Врагам сказал: «Иду на вы»
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.
С толпою прадедов за нами
Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди через сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где неверия пустыня,
Идите грозно, как Владимир
Или с дружиною Добрыня

[11. Т. 1. С. 414].

Определить реальную идентичность этого «мы» довольно затруднительно: оно в воображении Хлебникова обозначает и русских как нацию, и малочисленную группу воинственно и патриотически настроенных соратников по «будетлянству». Образная логика поэта понятна: художники-авангардисты и поэты-футуристы, как уже говорилось выше, тоже были первопроходцами, искателями неизведанного.

В данном случае любопытно, что Ермак пока лишь следует за этой группой, а не возглавляет ее. Путь «русского знамени», с одной стороны, напоминает движение иудеев во главе с Моисеем в Ветхом Завете в Землю Обетованную (не по «хлябям», а именно через них, как через Черное море). С другой стороны, «хляби» как некие избыточные воды и водяные бездны в контексте похода Ермака – вполне реальная гидрография, это реки, по которым плыли казаки. Заменяя «дым Отечества» (*fumus patriae* античной поэзии) на «дух Отечества», используя легендарные образы героев прошлого,

Хлебников замещает пространственный фронтир на ценностный императив: героям будущего предстоит восстановление веры, новое крещение как союз Владимира-крестителя и Добрыни. В этом смысле поход Ермака экстерриториален и предстает духовным подвигом возрождения родины и веры.

В поэме «Разговор душ» (1911–1912) авангардистские установки Хлебникова еще более органично соединяются с патриотическими. Так, в монологе «воина песни» последний вообразает себя и сибирским мамонтом, и Ермаком:

Твой лоб молнии били, твою шкуру секли ливни,
Ты знал свисты грозы, ведал ревы мышей,
Но, как раньше, блистают согнутые бивни
Ниже упавших на землю ушей.
И ты застыл в плащах косматорыжих,
Как сей страны нетленный разум,
И лишь тунгуз бежит на лыжах,
Скользя оленьим легким лазом.
О, дикое небо, быть Ермаком,
Врага Кучума убивать,
Какой-то молнии куском
Бросать на темную кровать!
<...>
Пояс казацкий с узорною резьбой
Мне говорил о серебре далеких рек,
Иль вспыхнувший грозно в час ночи разбой –
То наполнило душу мою, человек

[11. Т. 4. С. 60].

По законам героического эпоса Ермак у Хлебникова, вопреки исторической достоверности, должен собственноручно убить Кучума в поединке. Однако эту роль выполняет некий лирический сверхсубъект, выраженный на этот раз не «мы», а инфинитивом («врага убивать»). Схватка двух антагонистов могла стать обратимой в духе представлений самого поэта. Тогда он сам мог оказаться в роли убиваемого Кучума, например, в послании «Всем» (1922), в котором Хлебников обвиняет друзей в уничтожении своих рукописей:

Есть письма – мечь.
Мой плач готов,
<...>
Я продырявлен копьями
Духовной голодухи,
Истыкан копьями голодных ртов.
Ваш голод просит есть,
И в котелке изящных чум
Ваш голод просит пищи – вот грудь надармака!
И после упадаю, как Кучум
От копий Ермака.
То голод копий проколоть
Приходит рукопись полоть

[11. Т. 2. С. 393].

В 1921 г. в стихотворении «Мои походы» (1921) поэт снова провидит в Ермаке героя будущего, на это указывает само грамматическое время, в то время как людским множествам и даже самому лирическому герою путь в зазеркалье моря-зеркала закрыт:

Коней табун, людьми одетый,
Бежит назад, увидев море.
И моря страх, ему нет сметы,
Неодолимей детской кори.
Но имя веры, полное Сибирей,
Узнает снова Ермака –
Страна, где замер нежный вырей,
И сдастся древний замок А.
Плеск небытия за гранью Веры
Отбросил зеркалом меня.
О, моря грустные промеры
Разбойным взмахом кистеня!

[11. Т. 2. С. 321].

Название стихотворения наиболее ясно обозначает значимость самоидентификации поэта-авангардиста с Ермаком. Страх людей перед морем (временем, непознаваемостью и т.д.) выдвигает на первый план Воина, осаждающего вечный замок истины, в полном соответствии с авторским кредо «трех осад», которые цитировались выше. Сибирь приобретает собирательно-множественный смысл как пространство будущих незавершенных завоеваний героя, соответственно, используются глаголы в будущем времени. Прежние «хляби» здесь превращаются в «промеры моря», «плеск небытия», зеркало вод, которые должен преодолеть новый Ермак. Его буквенным символом становится «замок А», алеф, первая буква алфавитов важнейших письменных систем, восходящая к пиктограмме головы быка, для Хлебникова – к Минотавру, одному из воплощений Рока. Возможно, что «плеск небытия» намекает и на смерть Ермака в воде, но утверждать о прямом использовании этого мотива здесь нельзя. Имя веры / Веры в стихотворении следует, по-видимому, можно соотносить с «тремя Верами» одноименного лирического рассказа (1915–1916) и Верой Хлебниковой, сестрой поэта.

Вере и морю как иррациональным началам противопоставляется рацио «сметы», «промера», которое вооружено кистенем времен Разина и Ермака, отсылающим к числовым штурдиям самого поэта. Эти имена, в которых ударение падает на А, символичны для поэта не только своей ролью в истории, но и как звуко-символы. Можно предположить, что само имя Ермака для поэта было паронимически созвучно и словам «время», «мера», «море», «смерть». Возможно, что «плеск небытия» намекает и на смерть Ермака в воде.

Через год, в XVIII плоскости сверхповести «Зангези» (1922) картина завоевания Сибири предстанет в знакомой нам динамике движения по воде, но в гораздо более широкой исторической и пейзажной перспективе. Она

будет связана с историософскими опытами поэта. Во-первых, это ответный поход России и на восток после веков натиска азиатских кочевников на Запад, обусловленный хронологией исторических событий («через дважды в одиннадцатой три») с противоположным знаком и направлением. Лишь намеченный в раннем стихотворении образ завоеваний как натиска моря проявлен более отчетливо: земля высыхает после татарского моря, оставляя им лишь залив (то ли Золотой орды, то ли Казанского и Сибирского ханств, из контекста этой историко-географической метафоры это не становится ясным).

В фокусе внимания поэта будет уже не дружина Ермака, а он сам как вершитель исторической миссии – великого похода Москвы на Восток, завоевание «полмира», власть над которым А. де Токвиль предрек России:

Волны народов одна за другой
Катились на запад:
Готы и гунны, с ними татары.
Через дважды в одиннадцатой три
Выросла в шлеме сугробов Москва,
Сказала Востоку: «Ни шагу!»
Там, где земля от татар высыхала,
Долго блистал их залив,
Ермак с головою нахала,
Суровую бровь углом заломив,
Ветру поверив широкую бороду,
Плыл по прекрасным рекам Сибири
К Кучума далекому городу.
Самое нежное в мире
Не остановит его,
Победителя жребий
В зеркале вод отражался,
Звезды блистали Искера –
И полумир переходит к Москве

[11. Т. 5. С. 337].

Еще более символичной становится и позиция победителя по отношению к зеркалу воды: она уже соотносится не только с исканием утраченного Рая-Вырея и истины, но и с метапоэтической ситуацией властителя водного зеркала, завоевавшего время и пространство («Пен пан»). Ситуация пребывания эпического или лирического героя над / перед водной поверхностью предстает как «автометаописание творческого процесса, в ходе которого описывается собственное текстопорождение с математическими выкладками» [13. С. 57–58].

Портрет Ермака детализирован, к тому же Хлебников переносит на него узнаваемую деталь профиля одного из казаков с картины Сурикова: «Где вспоминая, что русские величали своих искусных полководцев именем сокола, и вспоминая, что глаз казака, глубоко запавший под заломленной бровью, и этой птицы – родича царственных птиц – один и тот же, мы начинаем знать, кто были учителя русских в военном деле» [11. Т. 5. С. 46]. Словесный

портрет атамана у Хлебникова, таким образом, синтетичен и открыто аллюзивен по отношению к картине Сурикова. Однако при этом он лишен индивидуальности: его черты повторяют литературные клише, сложившиеся вокруг Ермака еще в экфрасисах русской литературы романтической эпохи («суровый», «широкая борода»). На странице рукописной тетради поэта 1921 г. среди историко-хронологических сопоставлений текстологами было обнаружено и графическое изображение лица Ермака. Однако портрет Ермака набросан в анфас, а не в профиль, как у Сурикова [11. Т. 2. С. 322].

Черты лица и манера поведения персонажа «Зангези» вторят суровости и мрачности романтического сибирского пейзажа еще в «Смерти Ермака» у К. Рылеева: «Ко славе страстию дыша, В стране суровой и угрюмой...» [12. С. 143]. В историческом романе П. Свиньина «Ермак, или Покорение Сибири» (1834) суровость и угрюмость, широкая борода – это постоянные черты портрета и поведения самого Ермака: «Ни одна также улыбка не сорвалась с полумертвых уст его, закутанных в черную окладистую бороду... Короткая черкесская епанча смурого цвета, ничем не отсвеченная, придавала еще более суровости его бледному лицу, на котором, словно в зеркале, отражалась буря мрачных, глубоких дум и душевных страданий» [14. С. 16–17]; «Давно ли атаман Кольцо стал бояться воды небесной? – спросил сурово незнакомец. – Кажись, он не размокал прежде и от морской?» [14. С. 24]; «И действительно, к тому месту, где были наши влюбленные, приближались два человека сурового вида» [14. С. 57–58]. Конечно, суровость, свойственная воину-будетлянину (см. выше), только усиливала идеальный романтический типаж.

В свержповести развернута и многослойно эпическая, т.е. природная, географическая и историческая панорамы похода Ермака как движения Руси на Сибирь и Восток, которое после Русско-японской войны сменилось уже обратным натиском Востока, поэтому взятию татарского Искера соответствует поражение русских под Мукденом:

Глядели на русских медвежие хари,
Играли в камнях медвежата,
Толпились лось и лосята.
Манят и дразнят меха соболей
Толстых бояр из столицы,
Шли воеводы на поиск землицы,
Плыли по морю, по северным льдам.
Вслед за отходом татарских тревог –
Это Русь пошла на восток.
Через два раза в десятой степени три
После взятия Искера,
После суровых очей Ермака,
Отраженных в сибирской реке,
Наступает день битвы Мукдена,
Где много земле отдали удали.
Это всегда так: после трех в степени энной
Наступил отрицательный сдвиг.

[11. Т. 5. С. 338].

Русско-японская война, прежде всего ее ключевые катастрофы, Цусима и Мукден, – это геополитическая, общенародная и личная травмы России и Хлебникова, которые будут отзываться в его творчестве и историософии спустя многие годы: «Первое решение искать законы времени явилось на другой день после Цусимы, когда известие о Цусимском бое дошло в Ярославский край, где я жил тогда в селе Бурмакине» [11. Т. 6, кн. 2. С. 10]. Тем не менее, как мы увидим далее, на первый план в историософских построениях поэта выйдет именно поражение России под Мукденом и сдача Порт-Арутра, а не Цусима: «Где в малайском медведе я отказываюсь узнать сосеверянина и вывожу на воду спрятавшегося монгола, и мне хочется отомстить ему за Порт-Артуру» [11. Т. 5. С. 45]. Именно их отражения в обратной перспективе зеркала истории Хлебников в 1915 г. сопоставлял с событиями освоения сибирского фронта, что мы и рассмотрим далее.

Противопоставление взятия Искера Ермаком Порт-Артуру и Мукдену будет дополнено антитезой двух, по мнению Хлебникова, антиподов в истории – Ермака и А.М. Стесселя, коменданта сданного японцам Порт-Артура, чьи миссии в истории противоположны, по расчетам Хлебникова, в силу числового закона обратимости наиболее значимых событий истории (3 в десятой степени, 59 049 + 59 049 дней):

Стесселем стал Ермак
Через три в десятой степени дней
И столько же.
<...>
Ежели Стессель любил поросят –
Был он Ермак через три в десятой

[11. Т. 5. С. 338].

Понять последнюю аллюзию сложно: она может быть и литературного происхождения, и мистификацией поэта, и ассонансным созвучием русифицированного варианта Стессель с «Ferkel» (поросенок).

Еще раз к визуальности героев с картины Сурикова Хлебников вспомнит в набросках к «Доскам судьбы» (1922), уточняя их физиогномику и почти апокалиптическую миссию ее персонажей, противопоставив ее антигероям Русско-японской войны: «Сухое, безличное, казенное лицо Куропаткина, надушенные кверху усы Стесселя около лысой головы пожившего человека пришли на смену дружине Ермака с вдохновенно грозными лицами боя, с суровым взлетом бровей, углом занесенных к небу над грозными глазами, – через степени 3, которые как бог смерти, бог конца, <бог> северных рек вторгнулись в Сибирь и странным образом в творчестве художника Сурикова вновь ожили на полотне» [11. Т. 6, кн. 2. С. 93]. Здесь казаки Ермака подобны богам в своей исторической роли. Напомним, что генерал А.Н. Куропаткин – это главнокомандующий русскими войсками во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Однако поход Ермака – символ успешной самореализации человека: «Если его (Гоголя. – В.М.) рождение, начало жизни было “походом в Сибирь” того Ермака, который бывает в жизни каждого человека, его мысли о

Боге, поворот к Богу были Мукденом в жизни Гоголя, сдачей областей жизни жезлу смерти, отступлением Куропаткина» [11. Т. 6, кн. 2. С. 67]. Ермак как символ, таким образом, амбивалентен: он несет смерть, но он же – высшее проявление жизни.

Сопоставляя события в истории, Хлебников видит повторение с отрицательным знаком похода Ермака в отступлении Куропаткина: «В самом деле, если в уравнении $x = 3^n + 3^n$, как промежутка времени для отрицательных сдвигов, сделать $n = 11$, x будет равняться времени между разрушением Рима в 410 году, сделанным народами Востока, и Куликовской битвой, положившей конец движению этих народов. Эта битва дала отпор Востоку.

Сделав $n = 10$, получим x равным времени между походом Ермака и отступлением Куропаткина. Эти точки – начало и конец движения русских на восток» [11. Т. 6, кн. 2. С. 14].

В заметке о Гоголе Хлебников снова сопоставляет действия Куропаткина под Мукденом и Ермака под Искером, используя нечет, число 3 как символическую меру истории и художественный символ: «Между походом нашего далекого прадеда – Ермака и уходом обратно современника – Куропаткина прошло 310+ 310 дней.

Слово особенно звучит, когда через него просвечивает иной, “второй смысл”, когда оно стекло для смутной, закрываемой им тайны, спрятанной за ним; тогда через слюду обыденного смысла светится второй и темной избой смотрится в окно слов.

Знаменитая тройка Гоголя, где Россия скачет в виде масленичной тройки к неведомому будущему, звучала своим художественным шорохом слов так сильно лишь потому, что в нем сквозь конскую тройку сквозила и светилась быстрая «тройка дней», катившая Россию к Мукдену.

Но то, что по дороге от Искера было открыто сердцу, не было еще ясно разуму. Той пропасти, которую видели зоркие глаза сердца, не замечали очи разума, глаза ума» [11. Т. 6, кн. 2. С. 40].

Итак, сражение под Мукденом и взятие Искера – это два противоположных события по историософской логике Хлебникова: «Такая скрепа времени соединяет событие и противособытие во времени. Событие хода + А и событие обратного хода – А. Здесь твердое основание три и бесконечно растущий показатель степени... Если в первую точку умирает жертва, через 3^3 умирает убийца.

Если первая точка отмечена крупным военным успехом некоторой волны человечества, была шагом завоевания, то вторая точка, через 3^n суток, будет остановкой этого движения, днем отпора ему, днем междометий: стой! тпру!.. в то время как все эти 3^n дней хлестал кнут рока, и слышались мощные – гей! вперед! но-но!

Так, день битвы при Мукдене, 26.11.1905 г., когда было остановлено движение русских на восток, начатое взятием Искера дружиной Ермака, был через $3^{10} + 3^{10} = 2 \cdot 3^{10}$ после взятия Искера 25.X.1581 г.» [11. Т. 6, кн. 2. С. 14].

Поход Ермака и отступление Куропаткина – это начальная и конечная точки циклов исторического антагонизма Запада и Востока: «В самом деле, если в уравнении $x = 3^n + 3^n$, как промежутка времени для отрицательных

сдвигов, сделать $n = 11$, x будет равняться времени между разрушением Рима в 410 году, сделанным народами Востока, и Куликовской битвой, положившей конец движению этих народов. Эта битва дала отпор Востоку.

Сделав $n = 10$, получим x равным времени между походом Ермака и отступлением Куропаткина. Эти точки – начало и конец движения русских на восток.

Теперь докажем нашу истину, что событие, достигшее возраста 3^n дней, меняет свой знак на обратный» [11. Т. 6, кн. 2. С. 14]; «Мы видели вековой поединок Востока и Запада, мы видели, что шашка вылетает из рук одного из двух противников через 3^n дней после удачного выпада, когда та или другая столица обращается в мусор и золу. Искер, Киев, Рим, Лондон были одним рядом. Битвы при Мукдене, Ангоре, Куликовом поле, Борнгольме звучали через 3^n дней после первого ряда» [11. Т. 6, кн. 2. С. 16]; «...И как Куропаткин через $310 + 310$ после Ермака удалялся вспять...» [11. Т. 6, кн. 2. С. 67].

Дата завоевание Сибири – это и точка геополитического сюжета стремления государства к мировому господству: «Где каждое государство через 218 дней начинает мечтать о мировом владычестве. Мировая война была через 218 дней после основания Тевтонского ордена; русские завоевали Сибирь через 218 (дней. – В.М.) от начала своего государства. Через этот срок римляне стали господами Средиземного моря. Воля к мировому господству наступает через 218 дней» [11. Т. 6, кн. 2. С. 28].

Наконец, дата похода Ермака связана с исторической динамикой мифа о Москве как третьем Риме, продолжению его миссии: «Сдвиги русского народа 1) Уравнение происхождения “Третьего Рима”: (2) $X = K - 2^n \cdot 39 + (365 + 48 \cdot 4)(n - 1)$, $K = 26.11.1905$ – битва при Мукдене, день отпора Западу. Если $n = 1$, $X = 26.XI.1581$ – походу Ермака, началу движения русских на восток; $n = 2$, $X = 3.IX.36$ – битве при Навлохе, или началу движения римлян на восток» [11. Т. 6, кн. 2. С. 30].

В брошюре «Битвы 1915–1917 гг.: новое учение о войне» (1915) Хлебников соотносит погодичное историческое освоение пространства сибирского фронта русскими первопроходцами на протяжении нескольких веков с суточной и локальной динамикой продвижения японцев во время осады Порт-Артура: «Отдельная война есть уменьшенный в 365 раз вековой ряд соответствующих войн. Далее сравниваются походы в Сибирь и морские бои осады Порт-Артура. Как кажется, достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что морские бои у высот Ляотешаня следуют в том же порядке, что и русские походы в Сибирь. Но решетка чисел волн Тигрового залива и рек Сибири в одном случае имеет множителем – год, в другом – сутки» [11. Т. 5. С. 94]; «Война 1904 г. была уменьшенным и обратным повторением завоевания Сибири.

Начертав в виде ряда точек место в протяжении времени походов в Сибирь, сделав то же для битв на море и в осаде Артура и увеличив 2-й ряд в 365, мы увидим, что оба ряда, кроме некоторых пробелов, совпадают» [11. Т. 5. С. 98].

Например, взятию Искера и построению Березовского острога (1581. Город Сибирь. Иртыш. 1593 Березов. Обь.) в сопоставительной хронологической таблице Хлебникова соответствуют локальные микрособытия войны

«6–7 марта. Выстрелы по Владивостоку. 10 марта. Гибель “Стережущего”. 22 марта. Пятая битва. 26 марта. Потопление “Ханией-Мару”. 27 марта. Вход заперт судами “Чийо”, “Яхико” и “Фукумару”» [11. Т. 5. С. 95].

Таким образом, поэт хотел наглядно продемонстрировать обратимость не только исторического времени, но и пространства в их различном масштабировании, их взаимопроникновение: «Этой заменой да-единицы нет-единицей время нередко становится пространством, и обратно» [11. Т. 5. С. 44].

Эта модель пространственно-временных взаимосвязей интересна во многих отношениях. В ней Хлебников обращается к многолетней истории освоения Сибири русскими первопроходцами. В ней начальным звеном оказывается взятие Казани Иваном Грозным (1552 г.) и первая военная экспедиция за Урал войска А. Курбского, а не поход Ермака в Сибирь. В подобном видении истории он впервые вышел за пределы «ермакоцентричной» легенды в динамике русского фронта. Он перечисляет целый десяток имен с кратким упоминанием их географических открытий и завоеваний (речных и морских «походов», по Хлебникову, как у Ермака). То, что освоение Сибири первопроходцами шло по речным системам и вдоль морского побережья, привело, по Хлебникову, к зеркальному обратному эффекту в локальных боевых действиях у Порт-Артура: «Реки враждебны людям материка, а полуострова – людям моря. Все полотно покорения Сибири, где Курбский, Овцын, Прончищев, Дежнев, Лаптев, Байков, Поярков, Челюскин, Ермак, казалось, снова прошло <гибелью> у Ляотешаня, природной морской крепости, но в обратной волне, в ускоренном времени, точно брошенные в 1904 великим отражающим зеркалом» [11. Т. 5. С. 90].

Хлебников в этой брошюре намечает и актуальную для того времени геополитическую концепцию войны двух враждебных станов – моря с впадающими в него реками Сибири (которые дружественны странам-островам) – против земли (континента, полуостровов Сибири как частей суши), а также противостояние стран, относящихся к этим станам, в данном случае Японии и России: «Таким образом здесь выступает, если приподымаешь ткань явлений, обнажая остов, морской закон и каменный (земной) закон. Русские и полуострова в сухопутном стане, японцы и реки в стане моря, которое ответило за полон сибирских рек гневными, как выстрелы волн у берега, боями ускоренной “расплаты” – за Сибирь, за начатый падением Казани поток русских на восток до моря и плененные реки. И вот холодные очертания Сибири просвечивают сквозь осаду; по ходу морской войны можно сосчитать число полуостровов Сибири (два неудачных пятна в японской войне) и рек ее, точнее водоразделов.

Таков суровый закон полуостровов и рек в войне 1904 г., которая вся была уменьшенным повторением столетних войн, повторением на своем лепестке жил и их порядка походов за время 1552–1904» [11. Т. 5. С. 99].

В 1904 г. пионером подобного подхода («sea-powers», «the World-Island», «Heartland»), обосновав его геополитически, выступил британский географ Х.Д. Маккиндер, который в самом начале своей статьи сравнивает казаков Ермака с европейскими первооткрывателями, переплывшими через океан

[15. Р. 221], а также назначает русских казаков вообще по сути главными действующими лицами русского фронта [15. Р. 233–234]. У нас нет сведений, был ли знаком Хлебников с этой фундаментальной статьей, но теоретически он мог прочесть ее реферативное изложение в одном из русских журналов.

Итак, Ермак у Хлебникова – это идеальный русский эпический герой, образец человека действия для воинственного поэта-авангардиста. Победив Кучума и Рок, он сам стал воплощением рока для своих противников («бог смерти»). Ермак как человек-символ, человек-легенда – это наивысшая полнота самореализации. Несмотря на исключительный статус подобного героя, поэт не раз включает его в ряд других легендарных героев русского мира и первопроходцев Сибири, он, как правило, наделен теми же чертами, что и его дружина и воображаемая общность русских героев прошлого. Даты его похода в Сибирь в статьях и заметках Хлебникова соотнесены с началом новых циклов в российской и мировой истории. Поэт много раз возвращается к противопоставлению Ермака антигероям Русско-японской войны Стесселю и Куропаткину, а его свершений – прежде всего события взятия столицы Сибирского ханства, Искера, – сдаче Порт-Артура и отступлению от Мукдена. Визуальное воображение деталей его похода и портрета атамана обусловлено знаменитой картиной В. Сурикова и сложившимися клише исторической беллетристики. Ермак у Хлебникова из прошлого вечно плывет вперед, в грамматическом настоящем и в будущее время. Он связан с пространствами рек, моря и метафорой водного зеркала. Финальные события сюжета Ермака, смерть в воде или посмертные чудеса поэту не интересны, поход Ермака не завершен, он – вечный искатель истины.

Список источников

1. *Блажес В.В.* Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2002. 185 с.
2. *Янушкевич А.С.* «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820–1830-х годов // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова. Томск : Знамя мира, 1997. С. 40–48.
3. *Анисимов К.В.* Типологические и функциональные аспекты сюжета о Ермаке // Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 58–96.
4. *Анисимова Е.Е.* Конструирование исторической памяти о Сибири в русской литературе 1820-х годов: баллада А.Н. Муравьева «Ермак» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 87–101.
5. *Анисимов К.В.* Радищев, Карамзин, Рылеев: поэтика «консервативной» и «радикальной» версий образа Ермака (эпика vs. трагика) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 5–15.
6. *Анисимова Е.Е.* Ермак в русской словесности до Карамзина: первые опыты нарративизации истории покорения Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 128–147.
7. *Анисимова Е.Е.* Покорение Сибири в художественной оптике Л.Н. Толстого. Рассказ «Ермак» в составе «Второй русской книги для чтения»: редакции, поэтика «сцеплений» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 18–26.

8. Богумил Т.А. Ермаков сюжет в творчестве В. М. Шукшина // Культура и текст. 2017. № 3 (30). 2017. С. 117–124. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (дата обращения: 24.07.2025).
9. Кулятин А.И. Три атамана: Ермак, Разин и Чапаев в художественном мире В.М. Шукшина // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 109–116. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (дата обращения: 24.07.2025).
10. Баженова Я.В. Смена идеологии и трансформация поэтики советского исторического романа (Ермак в романах А. Весёлого и Е. Фёдорова) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 497. С. 16–25.
11. Хлебников В. Собрание сочинений : В 6 т. М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2000–2006.
12. Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1971. 487 с.
13. Капустина Е.А. Стихотворение Велимира Хлебникова «Пен пан»: текст и смысл // Культура и текст. 2020. № 4 (43). С. 49–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stihotvorenie-velimira-hlebnikova-pen-pan-tekst-i-smysl?ysclid=md9n1c5paf261735291> (дата обращения: 24.07.2025).
14. Свиньин П.П. Ермак, или Покорение Сибири : исторический роман XVI столетия. СПб. : Тип. Х. Гинце, 1834. Ч. 1. 231 с.
15. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII. P. 421–437.

References

1. Blazhes, V.V. (2002) *Fol'klor Urala: Narodnaya istoriya o Ermake* [Ural Folklore: Folk History of Yermak]. Yekaterinburg: Ural State University.
2. Yanushkevich, A.S. (1997) "Ermakov syuzhet" v russkoy literature 1820–1830-kh godov ["Yermak Plot" in Russian literature of the 1820s–1830s]. In: *Motivy i syuzhety russkoy literatury. Ot Zhukovskogo do Chekhova* [Motifs and Plots of Russian Literature. From Zhukovsky to Chekhov]. Tomsk: Znayma mira. pp. 40–48.
3. Anisimov, K.V. (2005) Tipologicheskie i funktsional'nye aspekty syuzheta o Ermake [Typological and functional aspects of the plot about Yermak]. In: *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of Poetics of Siberian Literature of the 19th – Early 20th Centuries: Features of Formation and Development of Regional Literary Tradition]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 58–96.
4. Anisimova, E.E. (2023) Konstruirovaniye istoricheskoy pamyati o Sibiri v russkoy literature 1820-kh godov: ballada A.N. Murav'eva "Ermak" [Constructing Historical Memory of Siberia in Russian Literature of the 1820s: A.N. Muravyov's Ballad "Yermak"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 87–101.
5. Anisimov, K.V. (2023) Radishchev, Karamzin, Ryleyev: The poetics of "conservative" and "radical" versions of Yermak's image (epic vs. tragic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/1
6. Anisimova, E.E. (2024) Yermak in Russian literature before Karamzin: First efforts to narrate the story of the Siberian campaign. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 128–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/7
7. Anisimova, E.E. (2024) The conquest of Siberia in Leo Tolstoy's literary optics. The short story "Yermak" as a part of the Second Russian Book for Reading: Redactions, poetics of "linkages". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 18–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/2
8. Bogumil, T.A. (2017) Ermakov syuzhet v tvorchestve V.M. Shukshina [Yermak Plot in the Works of V.M. Shukshin]. *Kul'tura i tekst*. 3 (30). pp. 117–124. [Online] Available from: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (Accessed: 24.07.2025).

9. Kulyapin, A.I. (2017) Tri atamana: Ermak, Razin i Chapayev v khudozhestvennom mire V.M. Shukshina [Three Atamans: Ermak, Razin, and Chapayev in the artistic World of V.M. Shukshin]. *Kul'tura i tekst*. 3 (30). pp. 109–116. [Online] Available from: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (Accessed: 24.07.2025).

10. Bazhenova, Ya.V. (2023) Change of ideology and transformation of the poetics of the Soviet historical novel (Yermak in the novels of Artyom Vesely and Evgeny Fedorov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 16–25. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/2

11. Khlebnikov, V. (2000–2006) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 1–6. Moscow: Institute of World Literature RAS, Nasledie.

12. Ryleev, K.F. (1971) *Polnoe sobranie stikhotvorenyy* [Complete Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

13. Kapustina, E.A. (2020) Stikhotvorenie Velimira Khlebnikova "Pen pan": tekst i smysl [Velimir Khlebnikov's Poem "Pen pan": Text and Meaning]. *Kul'tura i tekst*. 4 (43). pp. 49–67. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/stikhotvorenie-velimira-hlebnikova-pen-pan-tekst-i-smysl> (Accessed: 24.07.2025).

14. Svin'in, P.P. (1834) *Ermak ili Pokorenie Sibiri: istoricheskiy roman XVI stoletiya* [Yermak or the Conquest of Siberia: Historical Novel of the 16th Century]. Part 1. Saint Petersburg: Tip. Kh. Gintse.

15. Mackinder, H.J. (1904) The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*. 33. pp. 421–437.

Информация об авторе:

Мароши В.В. – член исследовательской группы Красноярского государственного педагогического университета им. Астафьева (Красноярск, Россия); д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: maroshi@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Maroshi, Dr. Sci. (Philology), research team member, Viktor Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation); professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: maroshi@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 18.08.2025;
approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 05.12.2025.*